

Мы празднуем в эти дни 150-летие со дня рождения Шопена. Мы отмечаем эту торжественную дату повсеместно. Во всем мире — в городах и селах раздаются звуки музыки польского композитора. Эта музыка слышится в концертных залах, передается по радио, звучит в телевидении. Но она не находит нам, мы можем слушать ее бесконечно. Она всегда нас трогает, она всегда нас волнует.

Одна из причин этого заключена в том, что в музыке Шопена мы видим лучший пример гармонии между содержанием и формой. Великий мастер сумел уравновесить эти два крыла каждого великого художественного произведения. При этом Шопен знал, что истинное мастерство проявляется в ограничении. Он ограничивал себя часто только одним инструментом, но из этого инструмента извлекал все возможности.

Значение музыки Шопена состоит еще в том, что она, черпая из сокровищницы народного творчества, разрастается, как ветвистое дерево, и охватывает своей тенью громадные пространства искусства. Извлекая из народного танца и песни все их содержание, их печаль и радость, Шопен сумел обобщить это содержание и придать своему искусству всемирное звучание.

Объединяющее значение искусства Шопена — один из самых важных элементов искусства вообще. Мы видим хотя бы на примере шопеновских торжеств, какова роль этого искусства для взаимопонимания и сближения между народами.

На мой взгляд, главное содержание этих торжеств и заключается в том, что они содействуют мирному взаимопониманию между всеми людьми во всем мире.

ВАРШАВА

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

ГЕНИЙ — не только кладезь дарований, но и прежде всего жгучее, действенное ощущение современности, судьбы своего народа. Гейне выстрадал свою Германию, Байрон — свою Англию; в искусстве Шопена — трагедия Польши его времени. Именно эта историческая трагедия — источник самого оригинального и сильного в музыке Шопена: ее благодородной скорби, ее мятежности, ее напряженного, человечнейшего лиризма.

В тридцатые годы, когда началась всеевропейская слава Шопена, мировые музыкальные столицы были ареной сенсационных успехов артистов-виртуозов. Шопен не обладал той способностью магически властвовать над «большой публикой», какая присуща была Паганини, Листу и некоторым виртуозам менее высокого творческого ранга. Среднегодочный и проникновенный, нетерпимый к малейшим преувеличениям в искусстве, к артистической позе, Шопен раскрывал себя по-настоящему лишь в атмосфере интимного чувствия и глубокого сердечного контакта. Он выступал очень редко, предпочитал играть в маленьких кружках.

Тем знаменательнее, что после первых же появлений Шопена на концерт-

ной эстраде с его именем неизменно связывается слово «гений» и его слава совершают поистине триумфальное шествие.

Шопена открыли и поняли его духовные союзники — цвет передовой интеллигенции Европы 30-х — 40-х годов. Надо помнить, что рядом с ним были Бальзак, Гейне, Мицкевич, Делакруа, Берлиоз, Стендаль, Гюго, Жорж Санд.

Гейне писал в одной из своих парижских корреспонденций: «Шопен не довольствуется тем, что ему рукоплещут за ловкость рук; он стремится к лучшим лаврам, его пальцы только слуги его души, а этой душе аплодируют люди, которые слушают не одними ушами, но также и душою». Эти строки многозначительнее, чем они могут показаться на первый взгляд: в них не только хвала Шопену, но обличение его антагонистов и намек на то основное, исторически новое, что входило в жизнь вместе с искусством передовых художников эпохи.

Бездущие — вот характернейшая черта «верхнего» слоя общества послеполеоновской Европы. Мир позолоченных гостиных, мир суетной моды, «элегантного» пустословия. Среда жадного стяжательства, карьеризма, «бессердечного чистогана»! Можно ли добавить что-нибудь к тому, что показала и заклеймила в этой среде литература XIX века?

Триумф Шопена был одной из великих побед антибуржуазного, гуманистического искусства. Да, его слушали человеческие души! Они узнавали в этой музыке свои раны, свою горечь «утерянных иллюзий». Но они слышали здесь и бушующий протест — кипение нерастранных сил. Эта музыка говорила им о самом главном, самом нужном: в своей «крепости сердца» человек неисчерпаемо богат, и это богатство — мощь, способная отстоять себя против любых разрушительных сил...

Роберт Шуман писал: «Шопен одним из первых поднялся на вал, за которым поклонились во сне трусливая реставрация, карликовое филистерство. Как посыпались тогда удары направо и налево, как вскочили, проснувшись, разъяренные филистеры с криками: «Посмотрите-ка на этих наглецов!», — тогда как другие говорили, следя за наступающими: «Какое великолепное мужество!». «Да, — восклицает автор, — если бы могущественный самодержавный монарх там, на севере, знал, какой опасный враг таится для него в творениях Шопена, в простых напевах его мазурок, он запретил бы музыку. Произведения Шопена — это пушки, прикрытые цветами».

Свежесть и новизна искусства Шопена обусловлены были в значительной мере тем, что в них широко проявила себя музыкальная стихия Польши. Шопен вынужден был рано покинуть свое отчество. Он никогда, ни в юности, ни в зрелые годы, не занимался специальным изучением польского музыкального фольклора. Но его гениально цепкая память унесла из Польши целую сокровищницу народных музыкальных богатств, которые питали композитора до конца его творческого пути.

Напомним также об удивительной

главной особенности Шопена, и мы увидим великого композитора в одном из его важнейших качеств — в его близости к жизненным первоисточникам искусства, к «натуре».

Но если мы захотим глубже понять силу Шопена — осознать стойкость его искусства по сравнению с многими художественными явлениями, которым также нельзя отказаться в «нагуаральности», — придется обратить внимание на другое. Шопен с удивительной, редкой в истории искусства полнотой сумел объединить непосредственность высказывания и властную формирующую силу художественного мастерства.

По верному замечанию Листа, Шопен «при всей своей невыразимой муке, ...прекрасное в искусстве никогда не приносил в жертву потребности пожаловаться; никогда он не позволил пению выродиться в крик...» Отбор, концентрация, чеканка! «Из руды жизненных первоисточников — только чистое золото или твердые кристаллы. Вот горнило неустанного творческого труда Шопена, в котором эта нежная душа оказывалась прочнее алмаза...»

Так создавалась шопеновская классика — искусство одновременно стихийное и обузданное, новаторски-свободное и дисциплинированное. Нужен был не только гений сердца, но и гений конструирующего ума, чтобы создать избыточно богатые миниатюрные царства шопеновских мазурок, чтобы скратить огромный клокочущий мир чувств в «маленькие трагедии» шопеновских прелюдий. Нужна была верная рука Шопена, чтобы возникли его большие полонезы, баллады, фантазии — эти новые по духу драматические эпопеи, не уступающие, однако, по своей логике, по скользкому совершенству большим классическим концепциям Бетховена.

Россия сроднилась с Шопеном глубоко и многосторонне: как с художником романтических страстных и правдивых чувств, как с сыном свободолюбивой Польши, как с музыкантом-славянином, чей язык органически близок русской музыкальной речи. «Шопеновское» давно сплелось в русской музыке со своим национально-самобытным и в этом облике ощущается нами, например, у Рахманинова, у Лядова, у Скрябина.

Но рядом по-прежнему существует живой, оригинальный, неповторимый Шопен, чей творческий мир вновь и вновь воссоздается мастерами-пианистами. Продолжает гореть это чистейшее

пламя душевной страсти, по-прежнему живет это чудо душевной красоты и гармонии, которое, подобно Рафаэлю и Моцарту, всегда будет притягивать к себе и изумлять прытливые человеческие сердца.

Д. ЖИТОМИРСКИЙ

Рисунок А. Ильчева

Гений Шопена

литературной непосредственности Шопена, и мы увидим великого композитора в одном из его важнейших качеств — в его близости к жизненным первоисточникам искусства, к «натуре».

Но если мы захотим глубже понять силу Шопена — осознать стойкость его искусства по сравнению с многими художественными явлениями, которым также нельзя отказаться в «нагуаральности», — придется обратить внимание на другое. Шопен с удивительной, редкой в истории искусства полнотой сумел объединить непосредственность высказывания и властную формирующую силу художественного мастерства.

По верному замечанию Листа, Шопен «при всей своей невыразимой муке, ...прекрасное в искусстве никогда не приносил в жертву потребности пожаловаться; никогда он не позволил пению выродиться в крик...» Отбор, концентрация, чеканка! «Из руды жизненных первоисточников — только чистое золото или твердые кристаллы. Вот горнило неустанного творческого труда Шопена, в котором эта нежная душа оказывалась прочнее алмаза...»

Так создавалась шопеновская классика — искусство одновременно стихийное и обузданное, новаторски-свободное и дисциплинированное. Нужен был не только гений сердца, но и гений конструирующего ума, чтобы создать избыточно богатые миниатюрные царства шопеновских мазурок, чтобы скратить огромный клокочущий мир чувств в «маленькие трагедии» шопеновских прелюдий. Нужна была верная рука Шопена, чтобы возникли его большие полонезы, баллады, фантазии — эти новые по духу драматические эпопеи, не уступающие, однако, по скользкому совершенству большим классическим концепциям Бетховена.

Россия сроднилась с Шопеном глубоко и многосторонне: как с художником романтических страстных и правдивых чувств, как с сыном свободолюбивой Польши, как с музыкантом-славянином, чей язык органически близок русской музыкальной речи. «Шопеновское» давно сплелось в русской музыке со своим национально-самобытным и в этом облике ощущается нами, например, у Рахманинова, у Лядова, у Скрябина.

Но рядом по-прежнему существует живой, оригинальный, неповторимый Шопен, чей творческий мир вновь и вновь воссоздается мастерами-пианистами. Продолжает гореть это чистейшее

пламя душевной страсти, по-прежнему живет это чудо душевной красоты и гармонии, которое, подобно Рафаэлю и Моцарту, всегда будет притягивать к себе и изумлять прытливые человеческие сердца.

Д. ЖИТОМИРСКИЙ

Гордость Польши

МНЕ БЫЛО около четырех лет, когда, сидя у рояля, на котором играла моя мать, я впервые услышал звуки, с невыразимой силой отзывающиеся в моем детском сердце. С тех пор прошло семь десятилетий. Но эти первоначальные впечатления не потускнели и с той же силой отзываются в моем сердце всегда, когда я слушаю или играю музыку Шопена.

Какое в ней богатство мелодий, какое роскошество в гармониях, какая отточенность формы, какое искреннее, неподдельное веселье, а чаще и больше всего какое неизъяснимое горе! И все это великий композитор подслушал у родного ему польского народа, сыновнюю любовь к которому он пронес через всю свою недолгую жизнь.

У Шопена, сочинявшего главным образом для фортепиано, нет, за исключением, пожалуй, его первых опытов в композиции, несовершенных произведений. Объяснение этому редкому явлению следует искать не только в его гениальном творческом даре, но и в его интеллекте. Разбирая его сочинения, удивляешься не только его гениальному таланту, отразившемуся в них, но и замечательному уму композитора.

Шопену выпала на долю великая заслуга впервые познакомить мир с сердечными звуками славянской музыки и заставить его полюбить их. И мир с восхищением принял ее и не перестает удивляться той свежей струе, которую внесли в сокровищницу музыкального искусства и русские, и польские, и чешские, и болгарские творцы.

Ю. ШАПОРИН

пламя душевной страсти, по-прежнему живет это чудо душевной красоты и гармонии, которое, подобно Рафаэлю и Моцарту, всегда будет притягивать к себе и изумлять прытливые человеческие сердца.

Д. ЖИТОМИРСКИЙ